

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(3), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Богатырева О. Н. Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке / О. Н. Богатырева, Е. Д. Крапивницкая // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 3. — С. 303—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331.

Bogatyreva, O. N., Krapivnitskaya, E. D. (2025). Changing Migration Landscape in Latin America in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (3): 303-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

НАУЧНАЯ ОПЕРАТИВНАЯ
БИБЛИОТЕКА

elibrary.ru

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке

Богатырева Ольга Николаевна

orcid.org/0000-0002-9451-4285

доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории
международных отношений,
корреспондирующий автор
olgabogat.100@gmail.com

**Крапивницкая Екатерина
Дмитриевна**

orcid.org/0000-0001-7433-1097

PhD права, кандидат политических
наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории
международных отношений
katyakrapi@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01363,
<https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

Changing Migration Landscape in Latin America in 21st Century

Olga N. Bogatyreva

orcid.org/0000-0002-9451-4285

Doctor of History
Professor, Department of Theory and
History of International Relations,
corresponding author
olgabogat.100@gmail.com

Ekaterina D. Krapivnitskaya

orcid.org/0000-0001-7433-1097

PhD in Law, PhD in Political,
Senior Lecturer,
Department of Theory and
History of International Relations
katyakrapi@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

This research was supported
by the Russian Science Foundation,
project № 24-28-01363,
<https://rscf.ru/project/24-28-01363/>

© Богатырева О. Н., Крапивницкая Е. Д., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются основные компоненты и маршруты миграционных потоков в Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ) в конце XX — начале XXI веков. Уделяется особое внимание специфике миграционных процессов в субрегионах ЛАКБ — Южной Америке, Центральной Америке и Карибском бассейне. Затрагиваются вопросы управления миграционными процессами в регионе. Установлено, что новые модели мобильности привели к изменениям в региональной и национальной миграционной политике. Показано взаимодействие стран ЛАКБ в рамках региональных интеграционных организаций — Общего рынка стран Юга, Андского сообщества наций, Южноамериканской конференции по миграции и др. — по выработке субрегиональных миграционных режимов, сочетающих государственный контроль и соблюдение прав человека. Сообщается, что государства в своей миграционной политике отступали от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию», делая сильный крен в сторону секьюритизации и экстернализации с учетом своих внутренних и внешних политических интересов. Выявлены национальные стратегии и инструменты управления миграцией. Определено влияние внешних и внутренних факторов на формирование миграционной политики.

Ключевые слова:

Латинская Америка; миграция; миграционные потоки; вынужденная миграция; миграционная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the key components and routes of migration flows in Latin America and the Caribbean (LAC) from the late 20th to the early 21st century. Special attention is given to the specificities of migration processes within the subregions of LAC—South America, Central America, and the Caribbean. The management of migration processes in the region is also addressed. It has been established that new mobility patterns have led to changes in regional and national migration policies. The interaction among LAC countries within regional integration organizations — such as the Common Market of the South, the Andean Community, and the South American Conference on Migration — is highlighted, emphasizing the development of subregional migration regimes that balance state control with human rights compliance. The findings indicate that states have deviated from a coordinated regional consensus on the “right to migrate,” shifting significantly toward securitization and externalization in light of their internal and external political interests. National strategies and tools for managing migration are identified, along with the influence of both external and internal factors on the formulation of migration policy.

Key words:

Latin America; migration; migration flows; forced migration; migration policy.

УДК 94:314.743(728+729)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-3-303-331

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Изменение миграционного ландшафта в Латинской Америке в XXI веке

© Богатырева О. Н., Крапивницка Е. Д., 2025

1. Введение = Introduction

Эволюция государств ЛАКБ традиционно сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и территориальная динамика которых трансформировались в разные исторические периоды. В доколониальные времена перемещение являлось следствием войны или механизмом, который использовался империями коренных народов в качестве метода контроля над населением [Гуманитарная дипломатия ..., 2023, с. 68]. Колонизаторы на протяжении столетий, предшествовавших независимости стран региона, также использовали стратегию изгнания в конфликтах с коренными народами. Во второй половине XX — начале XXI веков миллионы латиноамериканцев продолжали ежегодно перемещаться, постепенно меняя «формат мобильности» [Кудеярова, 2020, с. 122]. С одной стороны латиноамериканские государства выступали в качестве доноров при росте эмиграции в США, Канаду и Европу, а с другой стороны, все большее число жителей стран ЛАКБ начали перемещаться внутри региона.

Основными факторами, стимулирующими перемещения миллионов латиноамериканцев в XXI веке, являлись экономические проблемы, рост бедности, отсутствие продовольственной безопасности, внутренние вооруженные конфликты, действия преступных группировок и высокий уровень насилия, неблагоприятные последствия изменения климата и стихийные бедствия. Модели внешней и внутренней миграции в ЛАКБ имеют сложную структуру: беженцы, просители убежища, внутренне перемещенные лица (ВПЛ), трудовые мигранты, транзитные и возвратные переселенцы. Значительная часть мигрантов является насильственно перемещенными лицами, нуждающимися в международной защите, в то время как другая часть надеется повысить уровень жизни за счет доступа к лучшим экономическим условиям или ищет возможности получения образования. Во многих случаях мобильность населения стран ЛАКБ обусловлена сочетанием этих факторов.

В условиях диверсификации миграционных потоков по происхождению, пунктам назначения, территориальной динамике и маршрутам в регионе сформировались и новые политико-правовые инструменты по управлению миграцией. Вызовы конца XX — начала XXI веков потребовали модернизации региональных и национальных подходов к регулированию миграционных процессов и новых инструментов миграционной политики. Страны ЛАКБ продемонстрировали стремление к взаимодействию в рамках региональных интеграционных институтов «горизонтального», равноправного характера, что можно объяснить постколониальным синдромом, стимулирующим страны региона к объединению усилий для решения гуманитарных, социальных и экономических проблем. Однако общий потенциал внутрирегионального сотрудничества снижался экономической и политической неоднородностью государств и наличием субрегиональных организаций, в ряде случаев пересекающихся друг с другом.

Представляется важным выяснить, как изменились модели миграции в XXI веке и какое влияние они оказали на региональную и национальную миграционную политику. Цель настоящей статьи — рассмотреть изменение миграционного ландшафта в ЛАКБ, охарактеризовать основные компоненты и маршруты миграционных потоков в субрегионах — Центральной Америке, Карибском бассейне и Южной Америке, а также проследить, как изменилось управление миграцией в регионе. Под миграционным ландшафтом понимается панорама региональных миграционных процессов, основные черты и особенности миграционных потоков, а также связь между новыми моделями мобильности и изменениями в региональной и национальной миграционной политике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологию исследования составили принципы историзма, объективности и системности, позволившие изучить эволюцию миграционных процессов в ЛАКБ. Исследование основано на концепции многоуровневого подхода к управлению миграцией в эпоху глобальных перемещений, сформулированного в работах К. Брейнига, А. Людтке, М. Паницона и др. [Breunig et al., 2008; Panizzon et al., 2018], а также на концепции «стремлений — возможностей» Х. Хааса, которая понимает мобильность человека как неотъемлемую часть более широких процессов социальных изменений и рассматривает миграцию как функцию стремлений мигрировать в рамках определенных географических возможностей [Haas, 2021].

На фоне обширного массива отечественных работ, посвященных преимущественно миграции в ЕС, исследования латиноамериканских мигра-

ционных процессов занимают скромное место. Значительный вклад в изучение динамики и специфики миграционных потоков из стран Латинской Америки в XIX—XX столетиях внесла Н. Ю. Кудярова. Она рассмотрела влияние демографических трансформаций на мобильность населения в странах ЛАКБ, выделила основные направления миграционных потоков, оценила потенциал Глобального договора по миграции для миграционного пространства в Центральной Америке, уделив особое внимание Мексике, а также истокам Венесуэльского миграционного кризиса [Кудярова, 2020; Кудярова и др., 2020; Кудярова, 2014]. Процессы превращения Аргентины в страну-реципиента исследованы в публикации К. Аршина [Аршин, 2021]. О. Н. Богатырева рассмотрела механизмы сотрудничества стран ЛАКБ по развитию регионального института убежища и системы защиты беженцев [Богатырева, 2020]. Особый интерес российских исследователей вызывает миграционная политика США в отношении южных границ и Мексика как буферное государство для мигрантов из стран ЛАКБ [Кудярова, 2014; Кудярова, 2021; Филипенко, 2019].

В зарубежных исследованиях С. Баричелло, А. Маргеритис, Л. Джубилут представлен целый калейдоскоп миграционных аспектов в ЛАКБ: изменения маршрутов и структуры миграционных потоков, подходы к управлению миграцией, эффективность региональной системы убежища [Barichello, 2015; Margheritis, 2022; Jubilut et al., 2021]. Целый ряд исследований посвящен миграции в Центральной Америке, проблемам в области безопасности и управления миграционными потоками на мексиканских границах [Wolf, 2020; Ramos García, 2019]. В работах Л. Брумат, Д. Акосты, В. Эспинозы проанализированы модели миграции в Южной Америке, факторы, повлиявшие на эволюцию миграционной политики в XXI веке, выявлены тенденции секьюритизации в управлении миграцией [Acosta, 2016; Brumat et al., 2023; Espinoza, 2024].

Несмотря на значительный рост зарубежных публикаций, посвященных миграционным процессам и миграционной политике в ЛАКБ, в отечественной историографии регион остается недостаточно представленным в комплексных исследованиях, что подчеркивает актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Исследовательские задачи решались на широком круге документальных источников: отчетах международных универсальных и региональных организаций, включающих статистику миграционных потоков, интервью с мигрантами, государственными служащими, экспертами; материалах национального миграционного законодательства, а также специальных региональных и национальных программах в отношении мигрантов и беженцев.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Миграционные потоки. Изменение миграционных моделей в XXI веке

Трансконтинентальные миграции сыграли существенную роль в историческом становлении стран ЛАКБ и формировании латиноамериканских наций с их этническим и расовым разнообразием. Вынужденная миграция из Африки была неотъемлемой частью процесса колонизации. Прибытие европейских рабочих из Италии, Испании и Португалии способствовало формированию рынков труда, политической и национальной идентичности в Аргентине, Венесуэле, Бразилии, Уругвае и других странах. На субрегиональном уровне внутренние миграции были частью формирования поселений и городов. Некоторые трансграничные перемещения имеют традиционный характер и долгую историю. Устоявшиеся миграционные маршруты жителей государств Южной Америки, Центральной Америки и Карибского бассейна были привязаны к определенным странам-реципиентам. Так, в Аргентине присутствие граждан Парагвая и, напротив, перемещение выходцев из Аргентины и Перу в Чили насчитывают более ста лет. В Андском регионе традиционно происходило перемещение колумбийцев в Эквадор и в Венесуэлу, а боливийцев и перуанцев — в район Альтиплано [Herrera, 2021, p. 3].

В XX веке в ЛАКБ начался процесс формирования новых миграционных моделей, наиболее четко проявившихся во второй половине столетия [Кудеярова, 2020, с. 122], когда при сокращении миграции из Европы сформировались три модели: перемещение с Юга на Север, в США и Канаду; трансграничная и внутрирегиональная миграция; и трансокеанская миграция в страны ЕС и Японию. В XXI веке продолжились диверсификация направлений миграционных потоков и усложнение факторов, вызывающих перемещение населения. При этом если для подавляющего большинства выходцев из Центральной Америки и Мексики основной миграционный маршрут пролегал в США, то в Южной Америке стали преобладать внутрирегиональные перемещения [Кудеярова, 2020, с. 119]. Если в 1990 году в ЛАКБ насчитывалось чуть более 7 млн иммигрантов, то к 2020 году эта цифра выросла почти до 15 млн [A Better World...]. Основная часть этого прироста приходилась на внутрирегиональные потоки, которые выросли с 56 % от общего объема иммиграции до 76 % [A Better World...]. К 2020 году в ЛАКБ проживало 5,3 % от общего числа мигрантов в мире благодаря устойчивому росту, начавшемуся в 2000 году, когда этот показатель составлял 3,8 % [A Better World...].

3.1.1. Южная Америка

Мобильность в Южной Америке характеризует ее как субрегион со странами исхода (эмиграции), транзита и назначения. После преобладания

в 1970—1980-е годы модели эмиграции, вызванной военными диктатурами и редемократизацией, начало 2000-х годов отмечено интенсификацией внутрирегиональной мобильности и диверсификацией стран происхождения и назначения внерегиональной иммиграции [Espinoza, 2024, p. 631].

В XXI веке сохранялось движение потоков переселенцев из Андских стран (Перу, Колумбия, Эквадор, Боливия) и Бразилии в Европу, преимущественно в Испанию, Италию и Португалию. Однако этот рост происходил в условиях ограничительной миграционной политики в принимающих странах, что провоцировало нелегальную миграцию. По данным МОМ, к 2017 году численность эмигрантов из Южной Америки достигла 8,4 млн человек. Миграционный поток состоял в основном из трудовых мигрантов. В XXI веке в Италии и Испании выходцы из Андских стран получили доступ к социальным правам и некоторым формам социальной защиты. Как отмечают Д. Эррера и К. Гомес, в большинстве случаев это были потомки европейских мигрантов, которые «смогли использовать свою межпоколенческую транснациональную память и социальные сети, чтобы обосноваться в новых местах назначения» [Herrera, 2021, p. 5].

В течение XXI века продолжалась миграция южноамериканцев в США. Выходцы из Бразилии, Колумбии и Эквадора пользовались сформированными за последние 50 лет сетями и маршрутами. Однако ужесточение миграционной политики США сделало эти маршруты небезопасными и нелегальными. Так, по данным МОМ, к 2021 году в США находилось около 3 млн выходцев из Южной Америки. Многие из них обладают неустойчивым правовым статусом, не имея постоянного места жительства и доступа к социальной защите [Migration and Migrants...].

В то время как вторая половина XX века характеризовалась миграцией с Юга на Север, особенно из Андского региона в США и Европу, а также трансграничной миграцией в пределах Латинской Америки, XXI век привел к существенной диверсификации направлений и усложнил структурные причины миграции. По оценкам МОМ, около 70 % южноамериканских миграционных потоков стали перемещаться внутри региона. По состоянию на середину 2020 года на субконтиненте проживало 10,9 млн международных мигрантов, из которых 79 % имели южноамериканское происхождение, что отражает важную роль внутриамериканской миграции, значительно усиленной в 2015 году за счет массового перемещения венесуэльцев. В странах Южной Америки размещались 6 из 7 млн венесуэльских беженцев и перемещенных мигрантов, покинувших свою страну. Данные, представленные на графике, показывают, что наибольшее число международных мигрантов размещалось в Аргентине, за ней следуют Колумбия, Венесуэла, Перу, Эквадор и Чили (рис. 1). При этом в Колумбии,

Перу, Чили и Эквадоре стремительный рост численности мигрантов был связан с притоком выходцев из Венесуэлы.

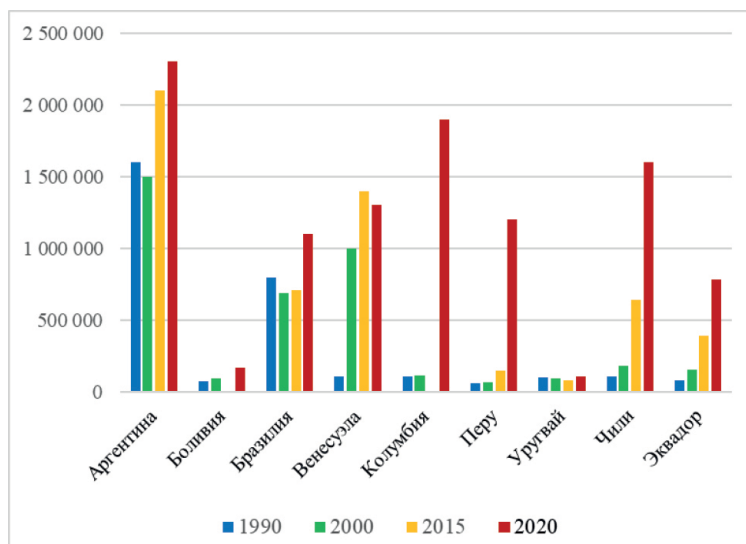

Рис. 1. Динамика численности международных мигрантов в странах Южной Америки (1990—2020) [Составлено по: Americas]

На протяжении второй половины XX века Венесуэла являлась реципиентом миграции и занимала лидирующие позиции по приему граждан из стран Южного конуса, преимущественно трудовых мигрантов. Имея статус одного из самых перспективных и благополучных государств ЛАКБ, Венесуэла в 2010-х годах столкнулась с массовым исходом населения и превратилась в страну с самым высоким уровнем бедности, международными санкциями и хронической гиперинфляцией. Так, в 2018 году уровень инфляции в стране достиг 63 374,08 % против 438 % в 2017 [Venezuela: Inflation...]. Коэффициент Джини, измеряющий неравенство доходов, богатства и потребления, увеличивался с 2015 года и достиг в 2022 году показателя 51,2¹. За это время Венесуэла пережила гуманитарный кризис, связанный с нехваткой основных продуктов. В 7 венесуэльских штатах уровень отсутствия продовольственной безопасности составил 99 % [Poverty and inequality...].

1 В коэффициенте Джини нулевой показатель отражает полное равенство, а 100 — полное неравенство.

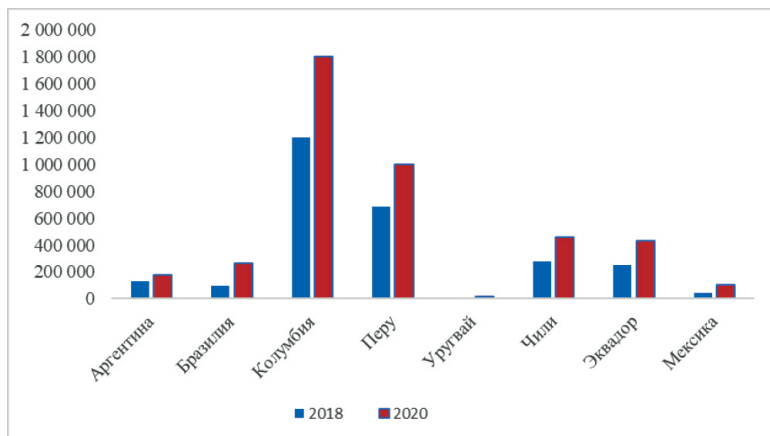

Рис. 2. Динамика численности мигрантов и беженцев из Венесуэлы в странах Южной Америки [Составлено по: Americas]

Внутрирегиональная и внеконтинентальная миграция колумбийского населения имеет сложный и многоаспектный характер. Внутренние вооруженные конфликты и политическое насилие привели к вынужденному перемещению граждан Колумбии, бежавших от вооруженных конфликтов и насилия враждующих группировок. Если в течение десятилетий страна имела статус «поставщика» мигрантов, испытав многомиллионное «давление на границах» ВПЛ [Barichello, 2015], то из-за социально-экономического и гуманитарного кризиса в соседней Венесуэле она стала второй страной региона (после Аргентины), принимающей мигрантов. На рис. 2 и 3 показан резкий рост мигрантов, прибывших в страну. Если в 2015 году на территории страны находилось 159,4 тыс. мигрантов, то в 2020 году их число достигло 1,9 млн человек, среди которых были не только выходцы из Венесуэлы, но и граждане Колумбии, вернувшиеся из эмиграции. Таким образом, для Колумбии была характерна и массовая возвратная миграция. До 2016 года в Венесуэле проживало около 1 млн колумбийцев, стремящихся получить там стабильную работу и качественное социальное обеспечение [Кудеярова, 2020; World Migration...]. Однако после начала кризиса в Венесуэле и после заключения соглашения между правительством президента Хуана Мануэля Сантоса и Революционными вооруженными силами — Народной армией (FARC-EP), означавшего выход Колумбии из 50-летнего внутреннего вооруженного конфликта и насилия, эмигранты начали массово возвращаться в страну.

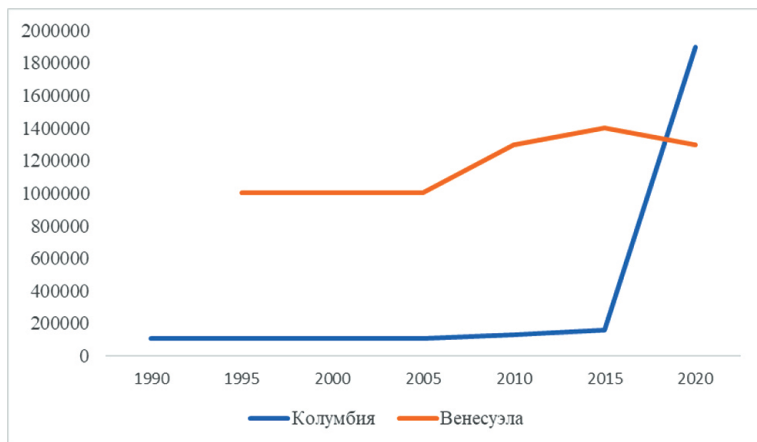

Рис. 3 Динамика численности международных мигрантов в Колумбии и Венесуэле (1990—2020) [Составлено по: Total number...]

Колумбия и Эквадор являются не только странами назначения для переселенцев, но и пунктом въезда в Южную Америку мигрантов разных национальностей, проезжающих транзитом по пути в США через миграционный коридор Андский регион — Центральная Америка — Мексика. Однако, несмотря на стремление мигрантов добраться до США и Канады, часть из них остается в странах Южной Америки по собственному выбору или по обстоятельствам, затрудняющим дальнейшее продвижение на север.

Традиционным направлением для мигрантов из Боливии, Парагвая, а в последние годы из Колумбии и Перу является Аргентина. Страной притяжения для мигрантов также является Чили, принимающая выходцев из Венесуэлы, Перу, Гаити, Колумбии, Боливии и Аргентины. Привлекательной для мигрантов являлась экономическая модель Чили, нуждающаяся в большом объеме рабочей силы.

Бразилия в течение XIX—XX веков была целью крупных перемещений португальских и итальянских иммигрантов. Однако в 1980—1990-е годы Бразилия превратилась в страну эмиграции. В различных регионах мира к 2020 году проживало более 4 млн бразильцев, при этом предпочтительным пунктом назначения для диаспоры стала Северная Америка [Migration in Brazil ...]. На втором месте для бразильских эмигрантов находилась Португалия, а в Южной Америке выходцы из Бразилии перемещаются преимущественно в регион Парагвая — Сюдад-дель-Эсте. Поток мигрантов в этот район даже привел к появлению специального

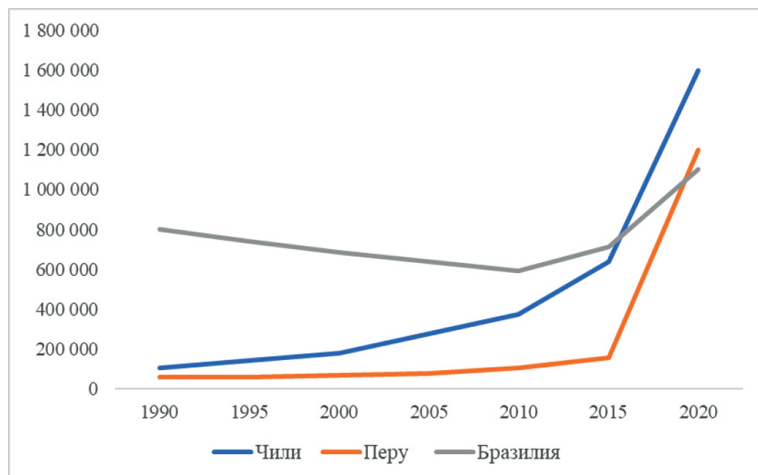

Рис. 4. Динамика численности международных мигрантов в Чили, Перу и Бразилии (1990—2020) [Total number...]

термина, связанного с обеими странами — *Brasiguayos* [Migration in Brazil...].

Во втором десятилетии XXI века состав иммигрантов в Бразилии изменился в связи с гуманитарными кризисами на Гаити и в Венесуэле. Рис. 4 показывает, что с 2010 года начинается плавный рост количества мигрантов, усилившийся в 2015 году. Северная граница страны стала «воротами» для растущего потока вынужденных мигрантов, заставившего поставить вопрос о необходимости изменения законодательства. В 2017 году были приняты Закон о миграции и ряд конкретных программ, например, инициатива «Добро пожаловать в Рорайме» [García-Juan, 2018].

Таким образом, Южную Америку можно охарактеризовать как регион происхождения, назначения, транзита и возвращения с тремя преобладающими моделями: эмиграция граждан Южной Америки за пределы субрегиона, внутрирегиональная иммиграция и иммиграция из других регионов мира. Миграционные потоки отражают растущую динамику международной мобильности и разнообразие ее моделей в субрегионе — добровольной, внутри- и внерегиональной, возвратной, вынужденной, транзитной, трудовой, климатической [Jarochinski, 2024].

Соглашения о режимах свободного передвижении, заключенные в «нулевые» и в 2010-е годы в рамках субрегиональных интеграционных объединений, позволили мигрантам переезжать в другие страны Южной Америки в поисках работы [Кудеярова, 2020, с. 134]. Общий рынок стран

Южной Америки (*MERCOSUR*) и Андское сообщество (*CAN*) сыграли ключевую роль в открытии регулярных каналов для переезда граждан стран, входящих в состав этих объединений.

После 2015 года внутрирегиональная миграция была значительно усилена за счет эмиграции из Венесуэлы. Согласно отчетам МОМ, перемещения в Южной Америке росли более быстрыми темпами, чем миграция в развитые страны Европы и Северной Америки. По сравнению с 2010 годом число внутрирегиональных мигрантов в 2019 году приблизилось к числу южноамериканцев, проживающих в других частях мира. Относительный размер между этими двумя миграционными группами уменьшился с 2 (2010 год) до 1,1 (2019 год) [Tendencias migratorias...]. Изученные данные, представленные на рис. 1, 3, 4, показывают, что за последние годы рост миграции отмечается по всем крупным странам Южной Америки. Наибольший рост наблюдается в Колумбии, Чили и Перу, он был связан в основном с венесуэльской миграцией.

3.1.2. Центральная Америка

Миграция из стран Центральной Америки привела к концентрации мигрантов на южной границе США. Этот миграционный коридор вызвал всплеск заявлений на получение статуса беженца в Мексике. Движение населения из Никарагуа и Кубы достигло значительного уровня и в других странах субрегиона, в частности в Коста-Рике [Migration flows...]. В 2020 году почти 900 тыс. человек из стран «северного треугольника» (Гватемалы, Гондураса и Сальвадора) были насильственно перемещены, из них более 500 тыс. — за границу [World Migration...]. Все эти перемещения дополнили исход граждан Гаити, покинувших страну после землетрясения 2010 года и пытавшихся добраться до США.

Согласно опросу, проведенному в Гватемале в 2020 году среди мигрантов из Центральной Америки, проезжающих через страну транзитом, 92 % выходцев из этой страны покинули свои дома в поисках лучших условий жизни. И хотя это остается основной причиной миграции гондурасцев и сальвадорцев, более 60 % опрошенных заявили, что насилие и отсутствие безопасности входили в число причин миграции [Reasons to migrate...].

Коста-Рика принимает все большее число мигрантов из Колумбии, Сальвадора и Никарагуа. К 2020 году из Никарагуа эмигрировали чуть более 718 тыс. человек, что эквивалентно 11 % населения страны. Миграция также возросла из Сальвадора, Гватемалы и Гондураса в Белиз и Мексику, что является одним из крупнейших миграционных коридоров в ЛАКБ. Контингент мигрантов в Белизе в 2020 году соответствовал 16 % от общей численности населения страны [A Better World ...].

В результате указанных объединенных потоков географический регион Дарьенского пролива, разделяющий Колумбию и Панаму, превратился в зону интенсивного движения мигрантов, несмотря на высокие риски. Число нелегальных мигрантов, следовавших транзитом через Дарьен, достигло пика в 2020 году, когда более 91,3 тыс. человек воспользовались этим опасным и смертоносным маршрутом в Северной и Южной Америке [Irregular transit...]. С 2014 года здесь погибли или пропали без вести 9,7 тыс. человек. Более 5 тыс. мигрантов были зарегистрированы погибшими или пропавшими без вести при попытке пересечь границу между США и Мексикой [Number of migrants]. Однако реальные цифры погибших и пропавших без вести могут быть значительно выше, поскольку в источниках подчеркиваются трудности и проблемы сбора данных, особенно в Дарьенском коридоре и на морских путях.

Таким образом, в Центральной Америке выделяется 4 миграционных маршрута. Во-первых, это смешанное перемещение населения из стран региона в страны Северной Америки, главным пунктом назначения которых являются США. Во-вторых, это внутрирегиональные миграционные потоки, основными направлениями которых выступают Мексика, Коста-Рика и Панама. В-третьих, потоки переселенцев из стран Карибского бассейна и Южной Америки, и, в-четвертых, различные внеконтинентальные потоки из Азии и Африки. Все они идут транзитом через страны региона с намерением переместиться на север континента. Следует также отметить плотные потоки возвратной миграции, в основном в страны северной части Центральной Америки.

3.1.3. Карибский бассейн

Миграция также является неотъемлемой частью жизни Карибских стран, которая чаще всего обсуждается в контексте эмиграции в США, Канаду и европейские страны. Однако перемещения в страны Карибского бассейна и внутри него составляют не менее важную часть миграционных процессов этого субрегиона. Из-за изменения климата, стихийных бедствий и сдвигов в глобальных моделях мобильности в течение XXI века миграционный ландшафт в Карибском бассейне значительно изменился. В 2020 году в странах субрегиона проживало 859,4 тыс. внутрирегиональных и 745,7 тыс. внерегиональных иммигрантов. Доля внутрирегиональных иммигрантов увеличилась с 46 % в 2000 году до 56 % в 2020 году [Migration, Integration...]. Но численность и происхождение иммигрантов варьировались в зависимости от страны. В девяти странах — на Багамских островах, Барбадосе, в Белизе, Доминиканской Республике, Гайане, на Гаити, Ямайке, в Суринаме, Тринидаде и Тобаго — иммигранты из других стран Карибского бассейна составили 63 % всех иммигрантов в 2020 году.

Внутрирегиональная миграция была наиболее распространена в Доминиканской Республике, на Барбадосе и Багамских островах. Самой большой группой иммигрантов в этих странах были гаитяне, за ними следовали выходцы из Гайаны. В некоторых странах отмечалось значительное количество иммигрантов из-за пределов субрегиона, причем венесуэльцы составляли вторую по величине группу иммигрантов в девяти странах.

Мигранты в странах Карибского бассейна, как правило, происходили из стран с более низким уровнем и переезжали в более развитые страны с широкими возможностями трудоустройства и процветающей туристической индустрией: Багамские острова, Британские и Американские Виргинские острова, острова Теркс и Кайкос, а также Сент-Китс и Невис. Возможность получить здесь высокие доходы привлекали граждан из Гаити, Доминиканской Республики, Гайаны и Ямайки.

Изменение климата и стихийные бедствия в XXI столетии стали важными факторами внутреннего, внутрирегионального и внерегионального перемещения населения как в Карибском бассейне, так и во всем регионе ЛАКБ. В XXI веке регион пережил несколько разрушительных стихийных бедствий. Например, с 2017 по 2019 год ураганы «Харви», «Ирма», «Мария», «Мэтью» и «Дориан» нанесли ущерб и привели к перемещению миллионов граждан стран Карибского бассейна, в основном гаитян, доминиканцев и багамцев. С 2000 года регион также пережил землетрясения, тропические штормы, наводнения и засуху, реже — извержения вулканов, которые вынудили людей покинуть свои дома. Эти бедствия послужили важными факторами, способствующими увеличению миграции граждан стран Карибского бассейна, особенно гаитян, в Южную и Северную Америку [Migration, Integration...].

3.1.4. Общая характеристика миграционных потоков в ЛАКБ

Завершая обзор основных миграционных потоков и коридоров, отметим, что в ЛАКБ самое большое количество населения иностранного происхождения имеет Аргентина, поскольку здесь к 2020 году проживали почти 2,3 млн иммигрантов. Приток мигрантов из Венесуэлы превратил Колумбию из страны — источника эмиграции во вторую по величине принимающую страну ЛАКБ. Третьей страной по числу внутрирегиональных мигрантов является Чили, куда прибывают выходцы из Гаити, Перу и Венесуэлы.

Особенности внутрирегиональных миграционных потоков и контекст в принимающих странах отличаются от ситуации в других регионах мира. В ЛАКБ значительная часть перемещений осуществляется по линии Юг-Юг между странами одного и того же региона или субрегиона. Это представляет собой отход от предыдущих лет, когда миграционные потоки со-

стояли из людей, стремящихся добраться до стран Северной Америки или Европы. Хотя этот исходящий импульс сохранялся и в XXI веке, но все более отчетливо виден рост миграции внутри региона, а также возвращение эмигрантов в страны происхождения.

Значительный сдвиг в миграции можно объяснить различными факторами, которые, как правило, остаются в ЛАКБ неизменными: рост бедности, отсутствие продовольственной безопасности, насилие, вызванное действиями преступных группировок. Во второй половине 1980-х и в начале 1990-х годов гражданские войны в различных странах ЛАКБ разрешались посредством мирных соглашений и урегулирований, что привело к установлению демократических систем. Тем не менее, несмотря на то, что в ЛАКБ находятся одни из самых густонаселенных и быстро развивающихся стран планеты, регион по-прежнему страдает от неравенства. Около 40 % населения живет в крайней нищете. Латиноамериканский экономический ландшафт отличается резкими контрастами изобилия и бедности. Экономическое неравенство играет роль мощного подталкивающего фактора, побуждающего людей выбирать трудный путь миграции.

Необычному сдвигу в миграции в пользу внутрирегиональных перемещений способствовали и новые тенденции XXI века, связанные с заключением региональных соглашений о свободном передвижении и возвращении бывших эмигрантов в сопровождении членов их семей иностранного происхождения; влиянием изменения климата на стихийные бедствия; влиянием экстремальных погодных условий на упадок сельского хозяйства и продовольственную безопасность.

Исследование также показало, что одной из самых актуальных тенденций современной миграции в странах ЛАКБ является ее вынужденный характер. Доказательством этого служит быстрый рост заявлений о предоставлении убежища, а также потоков нелегальной миграции. Так, в 2020 году Бразилия приняла 363,7 тыс. беженцев, лиц, ищущих убежища, и других лиц, нуждающихся в международной защите [Americas]. Большинство из них прибыли из Венесуэлы, с Гаити и Кубы. Мексика только за первую половину 2020 года приняла 151 тыс. новых заявлений о предоставлении убежища, став не только основным транзитным пунктом на пути миграционного потока на север, но и местом назначения. При этом в 2005 году Бразилия приняла 3,6 тыс. вынужденных мигрантов, а Мексика — 3,4 тыс. [Americas]. Однако следует понимать, что в этой статистике учитываются не все вынужденные мигранты, а только те, кто может претендовать на статус беженца и международную защиту в соответствии с универсальными и региональными стандартами. Например, имеющиеся данные по Колумбии, Перу, Эквадору и Чили показывают, что, несмотря на

массовое перемещение граждан Венесуэлы, лишь немногие из них подали заявления о предоставлении убежища.

Миграцию венесуэльцев следует рассматривать как вынужденное перемещение, так как этот массовый исход был обусловлен не только экономическими факторами, но и распадом социальных институтов, ростом насилия, отсутствием доступа граждан к здравоохранению, продовольствию и безопасной окружающей среде. Эти причины позволяют оценить перемещение как вынужденную миграцию в соответствии с региональными соглашениями, в частности с Картахенской декларацией о беженцах 1984 года, содержащей норму о массовом нарушении прав человека как основании для международной защиты. Но отметим, что вынужденные мигранты, являющиеся жертвами стихийных бедствий, жестокого гендерного насилия и торговли людьми, не могут получить статус беженца.

Одной из движущих сил динамики перемещения населения стран ЛАКБ, особенно в Центральной Америке, является «соседство» с США, которые привлекают людей, находящихся в поисках безопасности и / или экономических возможностей. В XXI веке США внесли существенные изменения в свою пограничную политику в надежде удержать мигрантов от прибытия через свою южную границу [Кудеярова, 2014]. Депортации и препятствия на границе привели к тому, что некоторые беженцы и мигранты вернулись в Центральную и Южную Америку. Часть из них становилась оседающими переселенцами, предпочитая оставаться в третьих странах вместо возвращения в страны исхода. В результате эти территории, традиционно считающимися транзитными, становились местом убежища и проживания.

3.2. Региональное многостороннее управление миграцией

С начала 2000-х годов межгосударственное сотрудничество стало одним из аспектов миграционной политики, хотя и в разной степени координации и институционализации. Страны региона подписали региональные соглашения, касающиеся миграции и прав человека. Так, южноамериканские региональные интеграционные сообщества и многосторонние организации — Общий рынок стран Юга (MERCOSUR), Андское сообщество наций (CAN) и Южноамериканская конференция по миграции (Conferencia Suramericana sobre Migraciones, CSM) — выступили за упрощенный режим мобильности и проживания для внутрирегиональных мигрантов. Страны региона, активно участвуя в процессе подготовки Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 года, ставили вопрос о праве на свободное передвижение для мигрантов из других регионов мира.

Основной площадкой для многостороннего обсуждения странами субрегиона вопросов миграции стала CSM, организованная в 2000 году и

заявившая о себе как орган принятия решений в области международной миграции и ее взаимосвязи с региональной интеграцией. Членами Конференции являются Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла, Суринам и Гайана. Мексика и Колумбия выступают государствами-наблюдателями. Внутри CSM существует консенсус в отношении следующих положений: внутрирегиональные миграционные потоки способствуют интеграции Южной Америки; мигранты вносят вклад в развитие народов; необходимо гарантировать права и достоинство мигрантов.

Ключевую роль в разработке прогрессивной общерегиональной миграционной политики сыграли ведущие страны Южной Америки: Аргентина, Бразилия и Чили. Инициатором и главным «архитектором» регионального миграционного режима является Аргентина, сохраняющая лидерские качества в течение первых 20-ти лет XXI века. В 2002 году страна предложила принять Соглашение MERCOSUR о проживании как основу для свободной мобильности. Вступившее в силу в 2009 году и направленное на урегулирование ситуации с нелегальными внутрирегиональными мигрантами Соглашение позволяет любому гражданину MERCOSUR или ассоциированного государства-члена проживать и работать в течение двух лет в другом государстве-члене при наличии документа, удостоверяющего личность, и отсутствии судимости. Оно также предоставило им ряд прав, включая право на равный труд, воссоединение семьи и доступ к образованию для детей. Через два года обладатель временного разрешения имеет возможность преобразовать его в постоянное [Circulación de Personas...].

В Центральной Америке существует несколько соглашений о мобильности. В рамках Системы центральноамериканской интеграции (SICA) Центральноамериканское соглашение о свободной мобильности (CA-4) между Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа и Сальвадором разрешает мобильность, хотя и содержит ограничения для разных категорий мигрантов. В 2017 году шесть стран Центральной Америки — Белиз, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика и Панама — официально заявили УВКБ ООН о своем намерении разработать и осуществлять комплекс региональных мер по защите и поиску решений в рамках концепции «Всеобъемлющей региональной основы для защиты и решений» (MIRPS), являющейся новаторской инициативой в реализации Комплексной системы реагирования на положение беженцев (CRRF) и конкретным вкладом в Глобальный договор о беженцах. MIRPS представляет собой структуру регионального сотрудничества стран происхождения, транзита и назначения. Программа продвигает механизмы разделения ответственности, усиливает защиту и расширяет возможности решений для беженцев, лиц, ищущих убежища,

внутренне перемещенных лиц и репатриантов, нуждающихся в защите [Carta Estatutaria...].

В Карибском бассейне региональные соглашения и другие формы сотрудничества также стали важными чертами мобильности. Карибское сообщество (CARICOM) и Организация восточно-карибских государств (Organisation of Eastern Caribbean States, OECS), созданные соответственно в 1973 и 1981 годах, обсуждали важные пути для внутрирегиональной миграции. Например, повышение мобильности и интеграции имело место в рамках Единого карибского рынка и экономики CARICOM (Caribbean Community) и Организации Восточно-карибских государств (OECS). Граждане стран-членов CARICOM имеют право на шестимесячное безвизовое пребывание в других странах Сообщества. Несмотря на то, что этот порядок пребывания не сопровождается разрешением на работу, CARICOM также включает режим сертификатов о квалификации, который обеспечивает свободную мобильность и разрешение на работу для определенных категорий работников. Региональные обязательства и координация в рамках Карибских консульгаций по миграции, учрежденных в 2016 году и запущенных в 2019 году, также способствовали сотрудничеству по различным вопросам — от управления миграцией до ликвидаций последствий стихийных бедствий.

Уникальные режимы свободной мобильности в регионе в определенной степени помогли облегчить передвижение перемещенных лиц и работников служб экстренного реагирования во время экологических кризисов. Тем не менее эксперты отмечают, что существующие миграционные системы Карибского бассейна нуждаются в обновлении, поскольку они ограничивали успешную интеграцию иммигрантов. Например, в субрегионе ощущалась заметная нехватка институтов и нормативно-правовой базы для предоставления убежища и защиты беженцев. Вместо этого страны Карибского бассейна применяют экстренные меры *ad hoc* в ответ на массовые перемещения людей, как, например, временные меры и планы по урегулированию, введенные для гаитян после землетрясения 2010 года, граждан Доминики после урагана «Мария» в 2017 году и венесуэльцев, спасающихся от политических и экономических потрясений после 2015 года.

Исследователи миграционной политики часто отмечают отсутствие регионального сотрудничества и координации для решения проблемы венесуэльской миграции. Однако, по мнению Л. Брумат, эффективная политика Бразилии и Колумбии по легализации венесуэльских мигрантов следовала южноамериканскому подходу в управлении миграцией, сочетающему «государственный контроль + права человека» [Brumat, 2021], поскольку государства не в состоянии предотвратить перемещение насе-

ления и эффективно контролировать все границы. В этих условиях решить проблему миграции возможно не задержанием и высылкой, а процессом легализации мигрантов, как это было в Колумбии с венесуэльскими переселенцами, которые получили «щедрый подарок» в виде 10-летнего вида на жительство [La meta para...].

Как показывает исследование, региональный миграционный режим в ЛАКБ можно охарактеризовать как прогрессивный, сочетающий государственный контроль и соблюдение прав человека и основанный на понимании миграции как неизбежного явления. Однако, столкнувшись с новыми миграционными моделями, страны ЛАКБ в своей национальной миграционной политике отступали от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию» и региональной свободы передвижения, делая сильный крен в сторону секьюритизации с учетом своих внутренних и внешних политических интересов.

3.3. Миграционная политика стран ЛАКБ

Национальная миграционная политика в ЛАКБ является нелинейной и многомерной, отражающей сложную структуру миграционных потоков, состоящих из трудовых мигрантов, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих убежище, и беженцев. Нелинейность, или «лоскутность», управления [Espinoza, 2024] проявляется в сменяемых волнах ограничительной и более открытой миграционной политики, проходящих либо одна за другой, либо одновременно [Nettrega, 2019]. С конца 1990-х и на протяжении 2000-х годов большинство стран, прежде всего южноамериканских, унаследовавших от диктатур 1970—1980-х годов ограничительное иммиграционное законодательство, использовали прогрессивную миграционную политику и дискурсы, которые подчеркивали важность прав мигрантов и необходимость декриминализации миграции [Brumat, 2019]. При этом миграция воспринималась как неизбежное явление, требующее регуляции. Так, директор миграционной службы Колумбии заявил, что «идея открытой или закрытой двери» абсурдна, потому что «невозможно контролировать каждый сантиметр» протяженной государственной границы [La meta para...].

Наряду с традиционными сферами государственного управления миграцией, включающими контроль границ, визы, легализацию мигрантов или их депортацию, правительствам принимающих стран приходилось включать в процесс официального статуса мигранта доступ к основным правам человека и меры по экономической и социальной интеграции. Беспрецедентные и непредвиденные внутрирегиональные миграционные потоки и проблемы, связанные с ними, потребовали модернизации государственной миграционной политики. Еще в конце XX века страны региона начали либо полное, либо частичное обновление миграционно-

го законодательства, отказавшись от законов, принятых еще в XX веке. Так, в Аргентине были приняты Закон о миграции № 25871 2004 года, закрепивший право на миграцию неотъемлемым правом для человека, а также «Общий закон о признании и защите беженцев», включающий расширенное определение беженца, полностью инкорпорированное из Картахенской декларации [Migraciones Ley...]. В Уругвае Закон о миграции № 18.250 от 2008 года признал неотъемлемым право на миграцию, надлежащую правовую процедуру и доступ к правосудию [Ley de migraciones...], а принятый в 2006 году Закон № 18.076 гласил, что «каждый имеет право» не только просить, но и получать убежище в стране для «защиты своей жизни <...> неприкосновенности, свободы и безопасности» [Ley de refugiados...]. В ряде государств реформы миграционного законодательства были начаты еще в конце XX века. Так, в 1997 году в Колумбии был принят закон о мерах по предотвращению насильственного перемещения для решения проблем внутренне перемещенных лиц в результате насилия [Ley 387].

Расширение и усложнение миграционных потоков в XXI веке страны региона воспринимали по-разному. С одной стороны, они представляли миграцию как экономическую выгоду, повышающую производительность и стимулирующую инновации. С другой стороны, доминирующим становится дискурс секьюритизации, который вынуждал правительство контролировать приток мигрантов, а независимые СМИ артикулировали опасения по распространению преступности и поглощению общества иностранцами. Внезапные и крупномасштабные потоки переселенцев создавали дополнительную нагрузку на ограниченные ресурсы предоставления доступа к социальным услугам. В этом смысле миграция становилась все более политизированной, а в некоторых сферах и секьюритизированной, связанной с безопасностью государств и их граждан.

В странах ЛАКБ можно выделить два основных подхода к национальной миграционной политике. Первый подход использовался в период низкого уровня иммиграции и был связан с популистской политикой левых правительств, которые с начала XXI века выступали за свободное внутрирегиональное передвижение и расширение прав мигрантов [Villarreal Villamar, 2023; Brumat, 2019]. Результатом этих настроений стали либеральные законы по предоставлению убежища и транзита. Второй подход был связан с ростом масштабов миграционных потоков и приходом к власти правых политических сил. В 2010-е годы сторонники жесткого курса, особенно в странах Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили), настаивали на введении миграционных квот, усилении пограничного контроля, подавлении нелегальной миграции и депортации. Триггером усиления

правого политического движения стал начавшийся в 2015 году массовый исход населения из Венесуэлы.

Однако характер управления миграцией не всегда являлся реакцией на масштабы переселенческих потоков и ситуацию кризиса [Brumat, 2024]. На формирование государственной миграционной политики оказывали влияние также партийно-политическая позиция правительств, традиции региональной солидарности, соображения безопасности, ориентация на страны Глобального Севера, выполнение обязательств универсальных и региональных международных договоров, а также цивилизационные традиции и ценности стран переселенческого региона, открытых для иммиграции.

Как отмечалось, миграционная политика в странах ЛАКБ двигалась в направлении растущего расхождения. Детальный анализ национальной миграционной политики в разных субрегионах показывает ее несовпадение по вопросам нелегальной миграции, пограничного контроля, отношениям с диаспорой. Например, гуманитарные меры реагирования на массовые потоки в Южной Америке отличались от экстернализации миграционной политики в странах Центральной Америки и ориентации на США. Последние сосредоточили внимание на географически близких регионах к югу от своей границы, приняв государственные меры, направленные на предотвращение въезда мигрантов, включая лиц, ищущих убежище. В центральноамериканской миграционной системе США занимали доминирующее положение, поскольку действия мексиканского правительства последние десятилетия оказывались подчиненными миграционной политике Белого дома. Мексика, ставшая транзитной территорией на пути миграционных караванов на пути в США, была вынуждена реагировать на давление американской администрации. Если в «нулевые годы» проводилась политика предоставления прав мигрантам независимо от их статуса, то во второй половине 2010-х годов был взят курс на содействие комплексному развитию Центральной Америки в целях снижения темпов транзитной миграции и недопущения напряженности на границе с северным соседом [Ramos García et al., 2019].

4. Заключение = Conclusions

Исследование показало, что особенностью региона ЛАКБ в XXI веке является наличие в нем стран происхождения, транзита и места назначения миграционных потоков с преобладающей моделью внутрирегиональной миграции. В отличие от других регионов мира в ЛАКБ значительная часть перемещений осуществлялась по линии Юг-Юг — между странами одного и того же региона или субрегиона. Установлено, что необычному сдвигу в миграции в пользу внутрирегиональных перемещений спо-

способствовали не только экономическая мотивация, рост насилия, стихийные бедствия и разрушение окружающей среды, но и новые тенденции XXI века, связанные прежде всего с заключением субрегиональных соглашений о свободном передвижении, которые облегчили перемещение населения между странами — членами интеграционных объединений. Однако самым мощным фактором роста внутрирегиональной миграции стал масштабный исход населения из Венесуэлы, обусловленный распадом социальных институтов, бедностью населения, ростом насилия. Исследование также показало, что актуальной тенденцией миграции в ЛАКБ является ее вынужденный характер.

В конце XX — начале XXI веков диверсификация миграционных потоков по происхождению, пунктам назначения, территориальной динамике и маршрутам способствовала разработке новых региональных и национальных механизмов управления миграцией. В отличие от тенденций, характерных для глобального Севера, в регионе особое внимание уделяется правам мигрантов, принимаются относительно открытые меры пограничного контроля, связанные с некриминализацией нелегальной миграции, прилагаются многочисленные усилия по облегчению иммиграции и другие меры. Страны ЛАКБ продемонстрировали стремление к региональному нормативному консенсусу.

Рост миграции сопровождался изменениями не только в многосторонней региональной, но и в национальной миграционной политике, стремящейся к упорядочению миграционных потоков и секьюритизации. На региональных форумах сформировались основные подходы к управлению миграцией, важнейшие из которых связаны со свободой передвижения и легализацией переселенцев. Однако государства ЛАКБ, столкнувшись с массовыми потоками мигрантов, особенно после миграционного кризиса в Венесуэле, вынуждены были отступать от применения согласованного общерегионального консенсуса в отношении «права на миграцию» в сторону секьюритизации (Южная Америка) и экстернализации (Центральная Америка и Мексика) с учетом своих внутренних и внешних интересов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *A Better World for Migrants in Latin America and the Caribbean* [Electronic resource] // UNDP. — 2023. — Access mode : <https://publications.iadb.org/en/publications/>

english/viewer/A-Better-World-for-Migrants-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf (accessed 22.10.2024).

2. *Americas* // Migration Data Portal [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.migrationdataportal.org/americas/key-figures> (accessed 24.10.2024).

3. *Carta Estatutaria* del Marco Integral Regional para la Protección y Soluciones (MIRPS) [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.refworld.org/es/leg/intinstrument/mirps/2024/es/147637> (accessed 03.04.2024).

4. *Circulación de Personas* // MERCOSUR [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mercosur.int/ciudadania/estatuto-ciudadania-mercosur/1-circulacion-de-personas/> (accessed 20.08.2024).

5. *Conferencia Suramericana sobre Migraciones* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.iom.int/es/conferencia-suramericana-sobre-migraciones> (accessed 15.08.2024).

6. *Irregular transit of foreigners through the Darien Gap 2014—2024* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1278150/irregular-transit-foreigners-through-darien-gap/> (accessed 11.10.2024).

7. *La meta para 2021 son 800 mil venezolanos regularizados*: Juan Francisco Espinosa, director de Migración Colombia [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.infobae.com/americas/colombia/2021/02/11/la-meta-para-2021-son-800-mil-venezolanos-regularizados-juan-francisco-espinosa-director-de-migracion-colombia/> (accessed 11.08.2024).

8. *Ley 387 de 1997 por la cual se adoptan medidas para la prevención del desplazamiento forzado en la República de Colombia* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.unidadvictimas.gov.co/documentos_bibliotec/ley-387-de-1997/#:~:text=Ley%20387%20de%201997%20por,en%20la%20Rep%C3%BAblica%20de%20Colombia (accessed 19.08.2024).

9. *Ley de migraciones* N°18.250 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/18250-2008> (accessed 21.08.2024).

10. *Ley de refugiados* N°18.076. Derecho al Refugio y a los refugiados [Electronic resource]. — Access mode : Ley N° 18076 (accessed 21.08.2024).

11. *Migraciones Ley 25.871* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-25871-92016/actualizacion#1> (accessed 22.08.2024).

12. *Migration and Migrants* : Regional Dimensions and Developments. Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // World Migration Report. — Access mode : <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-3/latin-america-and-caribbean> (accessed 20.10.2024).

13. *Migration flows in Latin America and the Caribbean* [Electronic resource] // Inter-American Development Bank, Statistics on Permits for Migrants. — Access mode : <https://publications.iadb.org/publications/english/viewer/Migration-Flows-in-Latin-America-and-the-Caribbean-Statistics-on-Permits-for-Migrants.pdf> (accessed 11.04.2024).

14. *Migration in Brazil* — statistics & facts [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/topics/11161/migration-in-brazil/#topicOverview> (accessed 11.04.2024).

15. *Migration, Integration, and Diaspora Engagement in the Caribbean. A Policy Review. March 2023* / Valerie Lacarte Jordi Amaral, Diego Chaves-González, Ana María Sáiz, Jeremy Harri [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-idb-caribbean-report-2023-final.pdf> (accessed 11.09.2024).

16. *Number of migrant deaths during migration in the Americas from 2014 to 2024, by cause of death* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1278085/migrants-dead-trajectories-americas-cause-death/> (accessed 31.07.2024).

17. *Poverty and inequality in Venezuela — statistics & facts* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/topics/11572/poverty-and-inequality-in-venezuela/#topicOverview> (accessed 31.07.2024).

18. *Reasons to migrate* of people from Northern Triangle of Central America in transit in Guatemala in 2020, by country of origin [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/1267929/migration-causes-migrants-northern-triangle-transit-country-origin/> (accessed 12.07.2024).

19. *RMRP 2020*. For refugees and migrants from Venezuela. January — December 2020. [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.r4v.info/en/document/rmrp-2020> (accessed 06.10.2024).

20. *Tendencias migratorias* en América Del Sur. Informe Migratorio Sudamericano N°3 Año 2020 [Electronic resource]. — Access mode : https://lac.iom.int/sites/g/files/tmzbdl626/files/documents/Tendencias_Migratorias_en_America_del_Sur_Marzo_Final.pdf (accessed 16.08.2024).

21. *Total number* of international migrants at mid-year 2000 [Electronic resource] // Migration Data Portal. — Access mode : https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=170 (accessed 19.09.2024).

22. *Venezuela* : Inflation rate from 1985 to 2025 [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/> (accessed 13.10.2024).

23. *World Migration Report 2020* [Electronic resource]. — Access mode : https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 29.08.2024).

24. *World Migration Report 2022* [Electronic resource]. — Access mode : <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (accessed 12.04.2024).

Литература

1. *Аришин К.* Миграционная политика Аргентины : современные тенденции / К. Аришин // Латинская Америка. — 2021. — № 12 — С. 50—66. — DOI: 10.31857/S0044748X0017495-3.

2. *Богатырева О. Н.* Гуманитарная дипломатия : Цивилизационные и национальные модели : Научное издание / О. Н. Богатырева, Д. М. Ковба, К. М. Табаринцева. — Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 192 с. — ISBN 978-5-7567-1260-5.

3. *Богатырева О. Н.* Защита прав беженцев в Латинской Америке : эволюция региональной гуманитарной дипломатии (1984—2014) / О. Н. Богатырева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 335—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-335-361.

4. *Кудярова Н. Ю.* Венесуэльский миграционный кризис : демография, нефть и государство / Н. Ю. Кудярова, Д. М. Розенталь // Латинская Америка. — 2020. — № 6. — С. 42—56.

5. *Кудярова Н. Ю.* Латинская Америка : демографическая динамика и трансформация миграционных процессов / Н. Ю. Кудярова // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 119—140. — DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7.

6. *Кудярова Н. Ю.* Мексика : «демографический взрыв» и массовая миграция / Н. Ю. Кудярова // Иberoамериканские тетради. — 2017. — № 2. — С. 56—62.

7. *Кудярова Н. Ю.* Миграционная трансформация в Мексике : вызовы и новые возможности для правительства А. М. Лопеса Обрадора / Н. Ю. Кудярова // Латинская Америка. — 2021. — № 7. — С. 6—21. — DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5.

8. *Кудярова Н. Ю.* Миграционные реформы в США : мексиканский вектор дискуссии / Н. Ю. Кудярова // Иberoамериканские тетради. — 2014. — № 3 (5). — С. 85—94.

9. Филипенко А. А. Американо-мексиканская граница : стена раздора / А. А. Филипенко // Россия и Америка в XXI веке. — 2019. — № S1. — С. 8. — DOI: 10.18254/S207054760005391-7.

10. Acosta D. Free Movement in South America : The Emergence of an Alternative Model? [Electronic resource] / D. Acosta // Migration Policy Institute. August 23, 2016. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/free-movement-in-south-america-the-emergence-of-an-alternative-model/> (accessed 10.09.2024).

11. Barichello S. The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America / S. E. Barichello // Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges. — 2015. — Pp. 149—171. — DOI: https://doi.org/10.1163/9789004265585_008.

12. Breunig C. What Motivates the Gatekeepers? / C. Breunig, A. Luedtke // Explaining Governing Party Preferences on Immigration. Governance. — 2008. — № 21. — Pp. 123—146.

13. Brumat L. Actors, Ideas, and International Influence : Understanding Migration Policy Change in South America / L. Brumat, V. M. Espinoza // Migration Review. — 2024. — Vol. 58 (1). — Pp. 319—346. — DOI: 10.1177/01979183221142776.

14. Brumat L. Migration and the «rise of the right» in South America : Is there an increasing anti-immigration sentiment in the Southern Cone? February 1st, 2019 [Electronic resource] / L. Brumat // EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/migration-rise-right-south-america-increasing-anti-immigration-sentiment-southern-cone/> (accessed 23.08.2024).

15. Brumat L. State control + human rights: Venezuelan displacement to Colombia and lessons from South American migration governance, April 15th, 2021 [Electronic resource] / L. Brumat // EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/state-control-human-rights-venezuelan-displacement-to-colombia-south-american-migration-governance/> (accessed 23.08.2024).

16. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework / H. de Haas // Comp Migr Stud. — 2021. — Vol. 9 (1):8. — Pp. 1—35. — DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.

17. Espinoza M. V. Migration Governance in South America : Change and Continuity in Times of «Crisis» / M. V. Espinoza // The Palgrave Handbook of South–South Migration and Inequality. Palgrave Macmillan, Cham. — 2024. — Pp. 631—652. — DOI: 10.1007/978-3-031-39814-8_29.

18. García-Juan L. Venezuelan immigrants in Roraima : provisional measures for an indefinite humanitarian crisis [Electronic resource] / L. García-Juan // MPC Blog. Debate Migration. March 22nd, 2018. — Access mode : <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/venezuelan-immigrants-in-roraima-provisional-measures-for-an-indefinite-humanitarian-crisis/> (accessed 12.04.2024).

19. Geddes A. Governing Migration Beyond the State : Europe, North America, South America, and Southeast Asia in a Global Context / A. Geddes. — Oxford : Oxford University Press, 2021. — 251 p.

20. Herrera G. Introduction : Emergent Issues of South American Migrations / G. Herrera, C. Gómez // Migration in South America. IMISCOE research series. — Springer 2022. — Pp. 1—26. — DOI:10.1007/978-3-031-11061-0.

21. Hammoud-Gallego O. Symbolic Refugee Protection : Explaining Latin America's Liberal Refugee Laws / O. Hammoud-Gallego, Lf Freier // American Political Science Review. — 2023. — № 117 (2). — Pp. 454—473. — DOI:10.1017/S000305542200082X.

22. *Jarochinski S. J. C.* The politicization of (im)migration in South America : innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility / S. J. C. Jarochinski, M. J. Malheiros // *Carta Internacional*. — 2024. — № 18 (3). — Pp. 1—24.
23. *Jubilut L.* Refugee Protection in Latin America Logics, Regimes, and Challenges / L. Jubilut, M. V. Espinoza, G. Mezzanotti // *Latin America and Refugee Protection : Regimes, Logics, and Challenges* — 2021. — Vol. 41. — Pp. 1—28.
24. *Margheritis A.* Is There A «Latin American» Approach to Migration Governance? / A. Margheritis, L. Pedroza // *Análisis Carolina*. — 2022. — № 16. — Pp. 1—16.
25. *Panizzon M.* Introduction to Special issue : migration governance in an era of large movements : a multi-level approach / M. Panizzon, M. van Riemsdijk // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2018. — Vol. 45 (8). — Pp. 1225—1241.
26. *Ramos García J. M.* La Política Migratoria Mexicana Frente Al Reto Centroamericano / J. M. Ramos García, J. E. Valencia Ramos // *Iuris Tantum*. — 2019. — Vol. 33 (30). — Pp. 189—225. — DOI: 10.36105/iut.2019n30.11.
27. *Villarreal Villamar M. D. C.* ¿Hacia una nueva era de derechos? Nuevo ciclo progresista y migraciones en América Latina / M. D. C. Villarreal Villamar // *Revista Común*. Marzo 23, 2023. — Access mode : <https://revistacomun.com/blog/hacia-una-nueva-era-de-derechos-nuevo-ciclo-progresista-y-migraciones-en-america-latina/> (accessed 28.09.2024).
28. *Wolf S.* Forced Migration from the Northern Triangle of Central America : Drivers and Experiences / S. Wolf // *Mexico City : Centro de Investigación y Docencia Económicas*. — 2020. — Pp. 1—98.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2024,
одобрена после рецензирования 09.12.2024,
подготовлена к публикации 01.04.2025.*

Material resources

- A Better World for Migrants in Latin America and the Caribbean. (2023). *UNDP*. Available at: <https://publications.iadb.org/en/publications/english/viewer/A-Better-World-for-Migrants-in-Latin-America-and-the-Caribbean.pdf> (accessed 22.10.2024).
- Americas. *Migration Data Portal*. Available at: <https://www.migrationdataportal.org/americas/key-figures> (accessed 24.10.2024).
- Carta Estatutaria del Marco Integral Regional para la Protección y Soluciones (MIRPS)*. Available at: <https://www.refworld.org/es/leg/intinstrument/mirps/2024/es/147637> (accessed 03.04.2024).
- Circulación de Personas. *MERCOSUR* Available at: <https://www.mercosur.int/ciudadania/estatuto-ciudadania-mercosur/1-circulacion-de-personas/> (accessed 20.08.2024).
- Conferencia Suramericana sobre Migraciones*. Available at: <https://www.iom.int/es/conferencia-suramericana-sobre-migraciones> (accessed 15.08.2024).
- Irregular transit of foreigners through the Darien Gap 2014—2024*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1278150/irregular-transit-foreigners-through-darien-gap/> (accessed 11.10.2024).
- La meta para 2021 son 800 mil venezolanos regularizados: Juan Francisco Espinosa, director de Migración Colombia*. Available at: <https://www.infobae.com/america/colombia/2021/02/11/la-meta-para-2021-son-800-mil-venezolanos-regularizados-juan-francisco-espinosa-director-de-migracion-colombia/> (accessed 11.08.2024).

- Ley 387 de 1997 por la cual se adoptan medidas para la prevención del desplazamiento forzado en la República de Colombia.* Available at: https://www.unidadvictimas.gov.co/documentos_biblioteca/ley-387-de-1997/#:~:text=Ley%20387%20de%201997%20por,en%20la%20Rep%C3%BAblica%20de%20Colombia (accessed 19.08.2024).
- Ley de migraciones N°18.250.* Available at: <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/18250-2008> (accessed 21.08.2024).
- Ley de refugiados N°18.076. Derecho al Refugio y a los refugiados.* Available at: [Ley N°18076](#) (accessed 21.08.2024).
- Migraciones Ley 25.871.* Available at: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-25871-92016/actualizacion#1> (accessed 22.08.2024).
- Migration and Migrants: Regional Dimensions and Developments. Latin America and the Caribbean. *World Migration Report.* Available at: <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-3/latin-america-and-caribbean> (accessed 20.10.2024).
- Migration flows in Latin America and the Caribbean. *Inter-American Development Bank, Statistics on Permits for Migrants.* Available at: <https://publications.iadb.org/publications/english/viewer/Migration-Flows-in-Latin-America-and-the-Caribbean-Statistics-on-Permits-for-Migrants.pdf> (accessed 11.04.2024).
- Migration in Brazil — statistics & facts.* Available at: <https://www.statista.com/topics/11161/migration-in-brazil/#topicOverview> (accessed 11.04.2024).
- Migration, Integration, and Diaspora Engagement in the Caribbean. A Policy Review. March 2023.* Available at: <https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/mpi-idb-caribbean-report-2023-final.pdf> (accessed 11.09.2024).
- Number of migrant deaths during migration in the Americas from 2014 to 2024, by cause of death.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/1278085/migrants-dead-trajectories-americas-cause-death/> (accessed 31.07.2024).
- Poverty and inequality in Venezuela — statistics & facts.* Available at: <https://www.statista.com/topics/11572/poverty-and-inequality-in-venezuela/#topicOverview> (accessed 31.07.2024).
- Reasons to migrate of people from Northern Triangle of Central America in transit in Guatemala in 2020, by country of origin.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/1267929/migration-causes-migrants-northern-triangle-transit-country-origin/> (accessed 12.07.2024).
- RMRP 2020. For refugees and migrants from Venezuela. January — December 2020.* Available at: <https://www.r4v.info/en/document/rmrp-2020> (accessed 06.10.2024).
- Tendencias migratorias en América Del Sur. Informe Migratorio Sudamericano N°3 Año 2020.* Available at: https://lac.iom.int/sites/g/files/tmzbd1626/files/documents/Tendencias_Migratorias_en_America_del_Sur_Marzo_Final.pdf (accessed 16.08.2024).
- Total number of international migrants at mid-year 2000. *Migration Data Portal.* Available at: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=170 (accessed 19.09.2024).
- Venezuela: Inflation rate from 1985 to 2025.* Available at: <https://www.statista.com/statistics/371895/inflation-rate-in-venezuela/> (accessed 13.10.2024).
- World Migration Report 2020.* Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 29.08.2024).
- World Migration Report 2022.* Available at: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (accessed 12.04.2024).

References

- Acosta, D. (2016). Free Movement in South America: The Emergence of an Alternative Model? *Migration Policy Institute*. August 23. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/free-movement-in-south-america-the-emergence-of-an-alternative-model/> (accessed 10.09.2024).
- Arshin, K. (2021). Migration policy of Argentina: current trends. *Latin America*, 12: 50—66. DOI: 10.31857/S0044748X0017495-3. (In Russ.).
- Barichello, S. (2015). The Evolving System of Refugees' Protection in Latin America. *Exploring the Boundaries of Refugee Law. Current Protection Challenges*. 149—171. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004265585_008.
- Bogatyreva, O. N. (2020). Protecting the Rights of Refugees in Latin America: The Evolution of Regional Humanitarian Diplomacy (1984—2014). *Nauchnyi dialog*, 1 (11): 335—361. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-335-361> (In Russ.).
- Bogatyreva, O. N., Kovba, D. M., Tabarintseva, K. M. (2023). *Humanitarian diplomacy: Civilizational and national models: A scientific publication*. Moscow: Aspect Press Publishing House. 192 p. ISBN 978-5-7567-1260-5. (In Russ.).
- Breunig, C., Luedtke, A. (2008). What Motivates the Gatekeepers? *Explaining Governing Party Preferences on Immigration. Governance*, 21: 123—146.
- Brumat, L. (2021). State control + human rights: Venezuelan displacement to Colombia and lessons from South American migration governance, April 15th. *EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration*. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/state-control-human-rights-venezuelan-displacement-to-colombia-south-american-migration-governance/> (accessed 23.08.2024).
- Brumat, L. Migration and the «rise of the right» in South America: Is there an increasing anti-immigration sentiment in the Southern Cone? February 1st, 2019. *EUI. Robert Schuman Centre. MPC Blog Debate Migration*. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/migration-rise-right-south-america-increasing-anti-immigration-sentiment-southern-cone/> (accessed 23.08.2024).
- Brumat, L., Espinoza, V. M. (2024). Actors, Ideas, and International Influence: Understanding Migration Policy Change in South America. *Migration Review*, 58 (1): 319—346. DOI: 10.1177/01979183221142776.
- De Haas, H. (2021). A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comp Migr Stud*, 9 (1):8: 1—35. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4.
- Espinoza, M. V. (2024). Migration Governance in South America: Change and Continuity in Times of «Crisis». *The Palgrave Handbook of South–South Migration and Inequality*. Palgrave Macmillan, Cham. 631—652. DOI: 10.1007/978-3-031-39814-8_29.
- Filipenko, A. A. (2019). The American-Mexican border: a wall of discord. *Russia and America in the XXI century*, 51: P. 8. DOI: 10.18254/S207054760005391-7. (In Russ.).
- García-Juan, L. (2018). Venezuelan immigrants in Roraima: provisional measures for an indefinite humanitarian crisis. *MPC Blog. Debate Migration*. March 22nd. Available at: <https://blogs.eui.eu/migrationpolicycentre/venezuelan-immigrants-in-roraima-provisional-measures-for-an-indefinite-humanitarian-crisis/> (accessed 12.04.2024).
- Geddes, A. (2021). *Governing Migration Beyond the State: Europe, North America, South America, and Southeast Asia in a Global Context*. Oxford: Oxford University Press. 251 p.
- Hammoud-Gallego, O. (2023). Symbolic Refugee Protection: Explaining Latin America's Liberal Refugee Laws. *American Political Science Review*, 117 (2): 454—473. DOI:10.1017/S000305542200082X.

- Herrera, G. (2022). Introduction: Emergent Issues of South American Migrations. *Migration in South America. IMISCOE research series. Springer*. 1—26. DOI:10.1007/978-3-031-11061-0.
- Jarochinski, S. J. C., Malheiros, M. J. (2024). The politicization of (im)migration in South America: innovative responses and the weakness of legal frameworks regulating mobility. *Carta Internacional*, 18 (3): 1—24.
- Jubilut, L. (2021). Refugee Protection in Latin America Logics, Regimes, and Challenges. *Latin America and Refugee Protection: Regimes, Logics, and Challenges*, 41: 1—28.
- Kudeyarova, N. Y. (2014). Migration reforms in the USA: the Mexican vector of discussion. *Iberoamerican notebooks*, 3 (5): 85—94. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2017). Mexico: “demographic explosion” and mass migration. *Iberoamerican notebooks*, 2: 56—62. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2020). Latin America: demographic dynamics and transformation of migration processes. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 13 (1): 119—140. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2020). The Venezuelan migration crisis: demography, Oil and the state. *Latin America*, 6: 42—56. (In Russ.).
- Kudeyarova, N. Y. (2021). Migration transformation in Mexico: challenges and new opportunities for the government of A. M. Lopez Obrador. *Latin America*, 7: 6—21. DOI: 10.31857/S0044748X0014988-5. (In Russ.).
- Margheritis, A. (2022). Is There A «Latin American» Approach to Migration Governance? *Análisis Carolina*, 16: 1—16.
- Panizzon, M., Van Riemsdijk, M. (2018). Introduction to Special issue: migration governance in an era of large movements: a multi-level approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 45 (8): 1225—1241.
- Ramos García, J. M., Valencia Ramos, J. E. (2019). La Política Migratoria Mexicana Frente Al Reto Centroamericano. *Iuris Tantum*, 33 (30): 189—225. DOI: 10.36105/iut.2019n30.11.
- Villarreal Villamar, M. D. C. (2023). ¿Hacia una nueva era de derechos? Nuevo ciclo progresista y migraciones en América Latina. *Revista Común*. Marzo 23. Available at: <https://revistacomun.com/blog/hacia-una-nueva-era-de-derechos-nuevo-ciclo-progresista-y-migraciones-en-america-latina/> (accessed 28.09.2024).
- Wolf, S. (2020). Forced Migration from the Northern Triangle of Central America: Drivers and Experiences. *Mexico City: Centro de Investigación y Docencia Económicas*. 1—98.

*The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 09.12.2024;
accepted for publication 01.04.2025.*